

Злата Хитрова

ЗОЛОТЫЕ
ОСКОЛКИ.
ЦЕНА МОЕГО СЕРДЦА

Злата Хитрова

**Золотые осколки.
Цена моего сердца**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Золотые осколки. Цена моего сердца / З. Хитрова — «Автор»,
2026

Я случайно разбила вазу стоимостью восемьсот тысяч рублей. Теперь Максим Громов, богатый наследник владельца колледжа, требует отработать долг в его мастерской. Ночами я собираю осколки, обжигаю глину и терплю его жестокие правила. Днём меня унижают, обвиняют в плагиате и грозят отчислением. Но мои работы начинают привлекать внимание. И чем ближе Максим, тем труднее понять: он мой враг или единственный человек, способный увидеть настоящий талант? Когда я обнаруживаю украденные эскизы и следы махинаций с грантом моей семьи, становится ясно: разбитая ваза была лишь началом. Теперь я заставлю их признать моё авторство. Даже если ради этого придётся разбить его холодное сердце.

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Злата Хитрова

Золотые осколки. Цена моего сердца

Глава 1

В три часа дня я ещё думала, что самое страшное сегодня — получить обратно эскиз с пометкой «переделать». В мастерской пахло сырой глиной, и мне хотелось скорее отмыть руки.

Эскиз новой вазы держала у груди, стараясь не задеть бумагу грязными пальцами. Бессонные ночи дали результат: преподаватель по композиции даже дважды хлопнул в ладоши. У него это считалось овацией. В мастерской керамического факультета «Арт-Колледж» кондиционер гудел, а легче не становилось. От раковин тянуло мокрым бетоном, от печи — обожжённой землёй. Парфюм Максима перекрывал оба запаха. Сам он стоял у окна, прямо на моём пути.

Стоило ему занять проход, и обходить приходилось мне. Сын владельца колледжа мог никуда не торопиться: тут всё подождёт его. На столе чашки развернуты одинаково, каждая ручка под сорок пять градусов. Смотрела на них и боялась поставить рядом свой мятый лист. Он ведь заметит и складку, и отпечаток пальца. А о чашках скажет, что так и задумано.

— Извините, — прошептала я, протискиваясь между его спиной и стеллажом. У раковины можно было положить рисунок на сухой край, смыть грязь с рук и наконец уйти. Я повернулась боком, прижимая локти: места почти не оставалось.

В ответ он провёл тряпкой по краю кружки. Даже плечом не подвинулся. Мне пришлось втянуть живот и осторожно переступить через ножку стеллажа. От кондиционера дуло прямо за воротник; я поёжилась и попыталась протиснуться ещё чуть дальше.

Рука с эскизом прошла. А локоть — нет.

Я задела полку и сразу повернулась к ней: успела увидеть, как наклоняется белая ваза Максима. Фарфор был тонкий, почти просвечивал. Он три недели возил её из Италии, обсуждал упаковку, страховку, каждую царапину на ящике. И теперь она съезжала к краю из-за моего локтя.

Я рванулась подхватить её, но опоздала. Дзынь. На бетоне покатылся кусочек горлышка, за ним ещё один. Так мелко разбилось — Господи, что же я ему скажу? Хотелось закричать, а я только смотрела на белую россыпь под ногами.

Кондиционер продолжал гудеть, теперь отчётливо слышался каждый его дребезжащий оборот. Пальцы разжались. Эскиз упал в пыль, но нагнуться за ним я не смогла: онемели колени. Попробовала вдохнуть, выговорить хоть «простите». Вдох вышел короткий и шумный.

Максим положил тряпку на стол, расправил её и только тогда повернулся. От этого ожидания мне стало хуже. Пусть бы уже закричал! Но он разглядывал меня совершенно спокойно, будто ждал отчёта о рядовой поломке.

Он задержался взглядом на осколках, заметил, как я сжимаю пальцы, и поднял глаза к моему лицу. Я не отвела своих. Хоть это удалось.

— Ты должна отработать каждый грамм этой пыли, — произнёс он негромко. Я расслышала всё, включая «должна». Ничего похожего на вопрос.

«Случайность» — вот слово, которое следовало произнести. Ещё бывает страховка. Я же не разбивала её нарочно! Пока выбирала между объяснением и просьбой простить, Максим ждал. Чем дольше молчала, тем меньше верилось, что он позволит мне остаться в колледже.

— Почему молчишь? — спросил он, делая шаг ближе. Его тень накрыла меня целиком. — Страх делает тебя немой или ты просто потеряла дар речи от собственной некомпетентности?

— Это... это был несчастный случай, — выдавила я наконец, голос предательски сорвался на визг. — Я не специально. Я могу купить новую вазу. Я найду деньги.

Он усмехнулся на слове «деньги». Я уже пожалела, что сказала: сейчас спросит сколько, а назвать мне нечего.

— Деньги? Ты студентка-стипендиатка, Алиса. Твой доход равен нулю минус долг за общежитие. А эта ваза стоит больше, чем твоя жизнь здесь, в этом колледже. Пункт 14.3 договора о материальной ответственности: «Умышленное или небрежное уничтожение имущества учебного заведения влечет обязательные работы в размере стоимости ущерба».

Максим поднёс телефон к моему лицу. Фотография целой вазы, под ней: «Эксклюзив. Авторская работа. Стоимость оценки: 800 000 рублей». Нули я пересчитала дважды. Лучше бы на экране была хоть какая-нибудь ошибка.

Восемьсот тысяч. Даже если перестать есть и отдать всё за десять лет — с чего эти десять лет начинать? Со стипендии? С денег на автобус до дома? Я взглянула на кусочек горлышка под своим кроссовком и осторожно отставила ногу.

— Ты будешь собирать эту пыль, — сказал он, убирая телефон. — Ночью. В одиночку. До рассвета. Пока я не скажу, что достаточно. Если хоть один кусочек исчезнет или будет склеен криво — ты исключена. Без права апелляции. Без стипендии. Без будущего.

Он развернулся и пошел к выходу, оставляя меня возле белой россыпи на полу. Дверь хлопнула. Щёлкнул язычок замка. Я проверила ручку: изнутри дверь открывалась. Уйти я могла. Вернуться утром и обнаружить на своём месте другую стипендиатку — вот чего боялась.

Когда за ним закрылась дверь, я вернулась к осколкам и опустила на бетон. Колени сразу озябли. Взяла ближайший кусочек, не удержала, перехватила второй рукой. Остриё врезалось в большой палец. Над порезом надулась красная капля — я машинально прижала палец к джинсам. Великолепно. Теперь ещё и кровь на его восьмистах тысячах.

Один черепок лежал росписью вверх. Я подтянула его к себе здоровыми пальцами: синяя линия уходила за обломанный край. В соседнем фрагменте она, кажется, продолжалась. Передвинула его ближе и поймала совпадение. Пока смотрела на стык, плакать уже не хотелось. Хотелось найти следующий.

Собрать горлышко. Потом стенки. Если части сходятся, форму ещё можно вернуть. Я проверила первый стык ногтем: да, сюда.

Вытерев палец, стала раскладывать черепки. Донышко отдельно, крупные стенки слева, мелочь с росписью возле колена. Из горлышка не хватало куска, зато нижняя часть сходилась почти без зазоров. Задержала дыхание, соединяя две тонкие грани. Пришлось разъединить и попробовать снова. На третий раз получилось; тогда только заметила, что перестала трястись.

Открылась дверь. Я дёрнулась и едва не уронила собранный участок, решив, что вернулся Максим. Вместо него в проёме стояла Виктория. Да ещё не одна.

Дочь декана привела двух подруг. Те сразу подняли телефоны. Я сидела на полу, и на обоих экранах наверняка отлично помещалась целиком. Встать, закрыть лицо рукавом? Только бы не рассыпать то, что собрала.

— Ой, бедняжка, — протянула Виктория, и её голос звенел фальшивым сочувствием. Она вошла в мастерскую, цокая каблуками по бетону. — Я слышала шум. Думала, кто-то умер. А ты просто... играешь в осколки?

Она остановилась рядом, тщательно выбирая место для каблука. Сверху ей было видно и кровь на пальце, и мой эскиз в пыли. Виктория улыбалась. Весь семестр она злилась, когда преподаватель хвалил мои работы, а теперь могла показать подругам, где этому таланту место. Возле её туфель.

— Ты совсем потеряла голову, Алиса? — она присела на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне. — Максиму известно, что ты собираешь мусор руками? Это так... вульгарно. Для провинциалки.

Она вытянула ногу. Я заметила каблук над фрагментом с росписью и потянулась убрать его, но Виктория уже перенесла вес. Под подошвой хрустнуло. Там, где сходились две синие линии, осталось крошево.

За её спиной прыснула подруга. Вторая приблизила телефон; я увидела красную точку записи. Виктория задержала улыбку, будто для неё фотографировали отдельно.

— Не переживай. Мы поможем тебе с рефератом. Хотя нет, пожалуй, оставим тебя одну. Тебе полезно учиться смирению.

Они вышли, продолжая смеяться. Одна ещё раз повернула телефон ко мне через плечо. Я дождалась, когда из коридора перестанут доноситься их голоса.

Уцелевшие фрагменты пододвинула под стол. Виктория может возвращаться сколько угодно: второго куска я ей не дам. Раздавленный участок придётся заменить вставкой. Моей вставкой. Соберу так, чтобы её каблук ничего не решил. Максим хотя бы посмотрит на работу — он умеет смотреть. А ей нужен только снимок меня на полу. Ну так пусть сохранит. Будет с чем сравнить.

Глава 2

Часы ушли на сортировку. Я трижды раскладывала фрагменты, прежде чем линия росписи наконец сошлась. Свет за окнами мастерской погас. Часы показывали одиннадцать ночи. Я осталась одна.

Злилась я теперь достаточно, чтобы бодрствовать до утра. И умела достаточно, чтобы хотя бы попробовать. Двадцать раз проверила роспись — сходится. Значит, продолжаем.

В кармане куртки нащупала контейнер с золотым пигментом. Утром тайком взяла из запасников для своей пробы; вот и пригодился совсем иначе. На занятиях мы обсуждали кинцуги: разбитую вещь собирают, а швы подчёркивают золотом. Спрятать такую трещину нельзя, можно заставить на неё смотреть. Я поставила контейнер рядом с черепками.

Палец забинтовала лоскутом чистой ткани. Потом открыла форточку и достала из шкафчика двухкомпонентную смолу для учебных реставраций. Настоящий лак кинцуги сох бы куда дольше, чем оставалось до утра. Со смолой я уже работала — хотя не над вещью за восемьсот тысяч. Прилаживала каждый кусок насухо, снимала, наносила состав с пигментом, прижимала снова. В раздавленный Викторией участок подточила запасной черепок. Он отличался цветом, и я оставила эту разницу: гладкая белая стенка, чужая вставка, золотой контур. Проверяла крепление и ловила себя на том, что хочу увидеть это при дневном свете.

Солнце заглянуло в окна, когда я закончила последний шов. Поставила вазу на стол и подложила мягкие валики: пусть схватывается, падать ей больше некуда. На табурет уже не хватило сил. Свернула фартук, легла на пол и сунула его под голову. Бетон охлаждал спину, но менять положение было страшнее: только бы никто не тронул вазу, пока я сплю.

Разбудил меня запах кофе.

Максим сидел рядом с бумажным стаканчиком. Открыла глаза и сперва посмотрела мимо него, на стол: ваза на месте. Потом заметила куртку у себя на плечах. Его кашемир тёплый, мягкий — совсем не то, на чём я уснула. Подтянула сползающий край, не решаясь спросить, когда он меня укрыв.

— Ты спала на полу, — констатировал он, не повышая голоса.

— Я работала, — прохрипела я, садясь. Голова кружилась.

Он поднял вазу обеими руками. Я следила за его пальцами: не заденет ли свежий шов? Максим повернул её к окну, потом к себе. Полоска золота на вставке блеснула.

— Золото выглядит дешёвой попыткой скрыть правду, — сказал он. Я отпустила край куртки. Вот сейчас будет про ремесло для нищих, а я всю ночь надеялась на другое. И зачем?

Но он провёл пальцем вдоль шва и перестал говорить. Приблизил вазу, рассматривая место, где я поставила вставку.

— Но форма... Форма стала лучше. Она дышит теперь.

Теперь он смотрел на меня так же внимательно. Хотелось отвернуться — на лице пыль, волосы наверняка торчат. Но я ждала, что скажет дальше. Про форму он уже сказал. И забрать эту похвалу обратно я ему не позволю.

— Однако это не освобождает тебя от долга, Алиса.

На слове «долг» он отодвинул стаканчик. До кофе я так и не дотронулась.

— Теперь ты будешь работать на меня лично. Каждую ночь. В этой мастерской. Пока я не скажу «хватит».

Вазу он поставил между валиками, подправив один пальцем. Пока говорил про каждую ночь, успел убедиться, что она стоит устойчиво. Я это заметила.

— И запомни: я вижу всё. Даже то, что ты пытаешься спрятать под золотом.

За ним осталась открытая дверь. Я посидела ещё минуту, растирая затёкшие колени. Теперь можно было уйти; сначала надо встать и добраться до своего рисунка.

Опираясь о стол, поднялась с пола. У вазы остался золотой шрам, у меня — порез и чужое обещание распоряжаться моими ночами. Лист с эскизом лежал там, где упал. Стряхнула с него пыль и посмотрела на вставку в фарфоре. Он считает, что купил меня долгом. А я уже думала, какую работу сделаю следующей — чтобы ему нечего было сказать, кроме «лучше».

В третий раз глина ушла из-под ладоней. Я убавила скорость, прижала локти к бокам и попробовала вернуть ком на середину. Похоже, сегодня даже круг был на стороне Максима.

На следующую ночь мы снова остались вдвоём в центральной мастерской колледжа. За три часа я успела проветрить её, вымыть стол и вымотаться. Его парфюм всё равно чувствовался, стоило Максиму подойти ближе. От этого запаха хотелось спрятать порезанный палец. Дверь заперли изнутри, на окнах остались матовые плёнки: хотя бы из двора никто не увидит, как стипендиатка расплачивается за вазу.

Он стоял позади. Чтобы посмотреть на него, пришлось бы повернуться и убрать руки с глины. Я продолжала месить, а он всё ждал. Уже лучше бы сказал, чего хочет: от молчания я находила ошибку в каждом своём движении.

— Начинай, — сказал он у меня за спиной. Я взяла новый ком, хотя и этот ещё не успела толком размять.

Мокрая глина лезла под ногти. Работать с ней я умела — иначе откуда бы взялись эскизы и стипендия? Но сейчас следила за собой так старательно, что руки дрожали. После Виктории всё казалось подтверждением её слов: испачкала щёку, снова подтянула грязный рукав. Максим смотрит и видит уборщицу. Хотела показать художницу, а никак не могла даже начать чашу.

Педаль нажала осторожно. Ком почти выровнялся, и я торопливо потянула стенку вверх. В учебнике это движение занимало одну картинку. Здесь глина шла толчками, круг отдавал вибрацией в локти. Чуть ослабила левую ладонь — заготовка дёрнулась, пришлось ловить её обеими руками.

Брызги достали до лица. Заморгала, пытаюсь вымыть из глаза грязную каплю, и ощутила землистый вкус на языке. Даже рот закрыть вовремя не сумела. Потёрла щёку плечом: руки-то заняты.

Я убрала ногу с педали. Круг замедлился и остановился.

Повернувшись к нему, застала наклонённую голову и внимательный взгляд. Он явно видел, когда всё пошло криво. Подсказать заранее, конечно, не подумал.

— Грязь смывается водой, — сказал он, дождавшись, пока я перестану моргать. — Тупость — нет.

Я стиснула ком: теперь он годился разве что в мишень. Попасть Максиму в лицо было бы нетрудно, он стоял в двух шагах. Потом, правда, придётся объясняться с его отцом. Отложила глину на круг. Он ждал ответа; я смотрела на пятно у него на туфле и сожалела, что хотя бы брызги не долетели выше.

Грязь с лица вытерла рукавом. Футболка всё равно старая; хуже ей уже не сделаешь. Прикусила губу, пока тянула ткань к глазу, и сразу отпустила: хватит с меня порезанного пальца. На белом рукаве теперь расплылся серый развод.

«Это оскорбление. Но задача от него не исчезнет». Снова нажала педаль. Ком гуляет, потому что я давя с одной стороны сильнее. А поднимаю руки раньше, чем выравниваю центр. Проверить это можно прямо сейчас, не дожидаясь, пока Максим изобретёт следующую гадость.

Вместо ответа ему удержала локти и дала глине несколько оборотов. Стало лучше. Ещё раз. Уже почти не било в ладони. Теперь я хотела добиться ровного вращения больше, чем слышать его похвалу. Пусть постоит и посмотрит, раз молчит.

К концу следующего часа стенки стали тоньше. Их легко было продавить, поэтому я задерживала дыхание на каждом движении, потом хватала воздух слишком часто. Сосуд снова

начинал гулять. Чуть отпускала ладони — выравнивался. Как же трудно оказалось не торопиться.

На кромке подсохла светлая полоска. Я заметила её, только когда попыталась потянуть край ещё выше.

Там появилась трещинка. Подсунула ноготь снизу, надеясь, что показалось, но край действительно расходился. Начинать чашу заново я сегодня уже не успею. Завтра комиссия деканата посмотрит прогресс, а я предъявлю очередной мокрый ком. Посмотрела на миску с водой и потянулась к ней.

Надо смочить край. Я уже раскрыла ладонь, собираясь зачерпнуть воды, и не заметила, как подошёл Максим.

Его рука перехватила мое запястье в воздухе.

Он удержал меня за запястье и отвёл руку от миски. Его пальцы охладили разгорячённую кожу. Стоило дёрнуться — хватка стала крепче. Я замерла и посмотрела на чашу вместе с ним: он наклонился так близко, что плечом задел моё плечо.

— Не лей столько воды, — прошептал он. Его дыхание коснулось моей шеи, щекочущее и влажное. От него пахло сандалом и чем-то еще, более темным, животным. — Ты дышишь как загнанное животное и дёргаешь руки на каждом вдохе. Выдохни. Медленно. Смочи пальцы, а не всю стенку, и перестань её тянуть.

Я подняла глаза. Вблизи его серые радужки оказались светлее, чем из-за стола. Он смотрел сосредоточенно, всё ещё удерживал запястье. Когда я перестала дёргаться, хватка ослабла, но руку Максим не убрал.

По шее прошла дрожь от его дыхания. Я ненавидела это спокойствие и собственную готовность слушать. С ним так близко легче оказалось сосредоточиться на одной команде — выдохнуть. На секунду даже захотелось, чтобы он продолжал держать руку. Тут же разозлилась на себя: почему возле человека, который мучает меня второй день, я вдруг перестаю торопиться?

Выдохнула, опустила мокрые пальцы на край и выровняла нажим. Глина перестала гулять. Трещина осталась, но дальше уже не ползла. Я держала стенку ещё несколько оборотов, проверяя.

— Умно, — сказал Максим и отпустил мое запястье. Будто ничего не произошло.

Глава 3

К трём ночи локти хотелось оторвать от круга и больше не возвращать. Суставы ныли, мокрая футболка липла к спине. При каждом обороте ловила себя на том, что нажимаю слабее: просто устала. От пыли щекоotalo в носу, а вытереть его нормально было нечем.

Виктория вчера сказала при подругах: «Ремесленники вроде тебя всегда заканчивают в помойке, Алиса. Тебе место не в искусстве, а в сервисном обслуживании богатых снобов». Я вспомнила эту фразу, когда соскребала остатки глины со стола. Очень подходящий момент она выбрала, даже не присутствуя здесь.

Стеку хотелось бросить в раковину и пойти спать. В общежитие бы меня пока пустили. Стипендию тоже не отберут посреди ночи. Я отвела затёкшую руку, попробовала сжать пальцы. Получилось через раз. Как предъявлять комиссии такое? И как возвращаться завтра на ту же табуретку, если сейчас уйду?

Закрыла глаза — так стало легче спине. Куртку Максима я уже вернула, а тепло от неё вспомнила очень отчётливо. Вазу тоже собрала, целую ночь на неё потратила. Получается, на утро меня хватило, а на эту чашу — нет? Зачем он вообще укрыл меня: пожалел или рассчитывал, что выплусь и продолжу отработку?

Если работа всё равно за мной, я хочу увидеть, что могу сделать. Не гладкую вещь, которую он одобрит и заберёт, а такую, о которой придётся спросить. Только сначала надо разжать пальцы и взять глину.

Поставила локти обратно. Суставы всё ещё болели, но я уже знала, где стенка поддаётся нажиму и где надо придержать. На слово «долг» смотреть было бесполезно. На чашу — можно. Вот её и сделаю. Максим может сколько угодно ждать, что я сдамся, а Виктории вообще незачем это знать до показа.

Вместо привычной округлой стенки стала вытягивать грани. Под пальцами образовалось углубление; разглаживать его я не захотела. Следом сделала второе, резче. На уроке за это спросили бы, зачем ломать правильную форму. Сейчас ответ находился сам: правильную я уже пробовала. Посмотрим, что он скажет об этой.

На пороге мастерской послышался скрип двери. Я вздрогнула, обернувшись.

Максима нигде не было. Он вышел несколько минут назад, сказав, что ему нужно «проверить документы». Дверь осталась приоткрытой.

Денис остановился в проёме с подносом. Два стакана чая, бутерброды с сыром. В замызганном фартуке он еле помещался между дверью и шкафом. Мы привыкли видеть его рядом с мастером-гончаром, подающим инструмент, а сейчас он растерянно смотрел на меня, будто не узнавал.

Я потёрла лоб запястьем и почувствовала прилипшие к коже волосы. Футболка мокрая, на щеке, наверное, остались разводы. Только отмываться уже поздно: Денис увидел и меня, и часы над дверью. Три ночи, чужой круг, незаконченная чаша. Сейчас спросит, почему я здесь.

— Алиса? — Денис шагнул внутрь, аккуратно ставя поднос на ближайший стол. — Что ты здесь делаешь? Уже поздно.

Он потянулся к моей стеке. Я держала её за самый край, чтобы больной палец не мешал; Денис заметил и это.

— Иди домой, — мягко сказал он. — Я помогу тебе доделать это завтра. Ты истощена. Посмотри на свои руки.

От бутербродов пахло сыром и хлебом. Живот заурчал так громко, что я отвела глаза. Можно взять стакан, отдать Денису стеку и наконец опустить руки. Он не будет считать, сколько минут я отдыхаю. Наверняка даже сам уберёт круг. Какая простая, соблазнительная мысль.

Только утром на столе окажется чаша, которую доделывал Денис. Максим обязательно спросит об этом, он замечает чужую руку. А я? Снова придётся объяснять, оправдываться. Уже знаю, как удержать стенку, чувствую пальцами грани. Не хочу сейчас терять это из-за того, что кто-то умеет добрее меня пожалеть.

Я резко отдернула руку, избегая его касания.

— Я справлюсь сама, — процедила я сквозь зубы. Голос сорвался, хриплый и злой.

Денис отступил от круга. Сначала глянул на меня, потом на незаконченный край. Я ожидала, что он рассердится, но он лишь потёр большим пальцем ладонь. Что ему сказать? Я хотела закончить именно свою вещь, а вышло, будто обидела человека за бутерброд. Объяснять сейчас не хватило сил.

— Ты упрямисься, — тихо сказал он. — И это не похоже на тебя.

— Тогда ты меня плохо знаешь, — ответила я, снова включая круг.

Покачив головой, Денис снял с подноса один стакан. Остальное унёс. Дверь за ним закрылась, чай остался на столе, и я смотрела на него дольше, чем стоило. Потом повернулась к чаше: пусть остынет, я ещё не закончила.

Теперь никто не пытался увести меня от круга. Слышался только мотор. Я прижала стеку к стенке и выровняла край, который едва не потеряла в разговоре.

Минут через десять вернулся Максим. Оставленный чай его не заинтересовал. Я ждала, что он спросит, кто заходил, но он сразу подошёл к кругу. Пришлось выпрямиться: стоял прямо за мной.

Он наклонился, и возле шеи стало тепло. Это раздражало сильнее, чем сквозняк. Каждый раз чувствую его раньше, чем успеваю увидеть! Запах парфюма перебил чай со стола. Я старалась удерживать ладони на месте и не поворачивать головы.

— Угол наклона ладоней неправильный, — произнес он над моим ухом. — Ты создаешь напряжение в материале. Оно разрушит стенки при обжиге.

Прежде чем я успела возразить, его руки легли поверх моих.

Он развернул мои ладони чуть внутрь, не убирая своих. Я было нажала сильнее, но Максим придержал пальцы: не так. Повторил движение медленнее, чтобы я ощутила разницу. Спина коснулась его груди. Рабочее положение, ничего особенного — вот только дышать он мог бы и в другую сторону, а не мне в шею.

Я замерла, боясь сдвинуть руки и испортить стенку. Мотор работал ровно, а у меня сердце билось куда быстрее. Отстраниться можно было, достаточно наклониться вперёд. Я этого не сделала. И надеялась, что Максим не догадается почему.

Под нашими ладонями стенка вытянулась ровно, без привычного рывка. Он ослабил нажим справа — я повторила. Чаша стала тонкой; сверху удалось вывести край почти одинаковой толщины. Я смотрела на него, а чувствовала, как Максим движется у меня за спиной. Ни на одном уроке керамики мне ещё не приходилось так старательно думать именно о керамике.

В следующий раз я смогу повторить это сама. Наверное, смогу. Сейчас очень не хотелось, чтобы он убирал руки, и от этой мысли я сжала зубы. Хороша независимая художница: знает угол ладоней и ждёт ещё одного прикосновения.

Когда форма была завершена, он резко отнял руки.

Без его рук сразу потянуло холодом по спине. Я выпрямилась и посмотрела на деталь сбоку. Влажный край блестел, симметрия почти безупречная. Хотелось повернуть её к Максиму: видишь? Только он и так видел. Часть движений ведь была его.

Он отступил, убрал руки в карманы и разглядел сосуд уже с расстояния. Теперь я ждала вердикта, хотя обещала себе не ждать. Максим задержался взглядом на краю.

— Мусор, — сказал он.

Я вздрогнула.

— Форма есть, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза. — Души нет. Технически безупречно. Эмоционально пусто. Переделывай. С нуля.

Сказав это, он принялся протирать инструменты. Салфетка скользила по ручке стеки, а я смотрела на его пальцы и не узнавала их: минуту назад они двигались вместе с моими. Теперь он занимался уборкой, будто ничего между нами не было.

Я повернула чашу. Форма ровная. Он сам помог её сделать — и сам отправил переделывать! Плакать от этого не хотелось. Хотелось, чтобы он перестал прятаться за салфеткой и назвал хоть что-то, кроме «мусор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.